

Радичков И

20/III 86

20 августа 1986 г. № 34 (5100)

Лит. газета

ЗАРУБЕЖНАЯ КУЛЬТУРА

КОВЧЕГ Иордана Радичкова

- Нести караул у древа жизни
- Суд над творцами безвкусицы?
- Отполоскать человеческую душу
- Учитесь вслушиваться в окружающий мир

ОДНА из самых известных миниатюр Иордана Радичкова называется «Игра пера». В ней изображен художник, который вопреки логике упорно рисует слонов величиной с блоху и блох величиной со слона. Главное для него — свободный полет фантазии.

Радичков охотно и талантливо «играет пером». Но эта игра в его многоплановом творчестве сочетается с высоким трагизмом повести «Последнее лето», с исследованием нравственных конфликтов современности в повести «Все и никто», с суровым реализмом борьбы против фашизма в «Пороховом букваре». Одно из последних его произведений — пьеса «Образ и подобие». Вот ее содержание в пересказе самого Радичкова.

Некий крестьянин запряг в сани лошадь и поехал в лес за дровами. И вдруг встречает там короля Ричарда. А тот, естественно, кричит: «Все царство за коня!». Мужик меняет «коня на царство» и правит «по образу и подобию своему». И государство начинает постепенно капиться в пропасть. Довел его новый царь до нищенской суммы: «...я был нищим, и вы стали по образу и подобию моему». А пропасть все глубже, и подданные уже не знают, что делать. И тогда царь-мужик опять идет в лес, чтобы найти Ричарда и предложить ему «все царство за коня».

В чем смысл этой «игры пера»? Радичков объясняет его так. Человек подобен «Ноеву ковчегу». Каждый складывает в трюм своего «Ноева ковчега» все, что с ним случается. Но не каждый может извлечь из трюма все пережитое, «отполоскать» вынутую из трюма душу и показать ее чистоту.

Обо всем этом я думал, направляясь на встречу с Иорданом Радичковым в его софийскую квартиру. С чего начать разговор? С обсуждения написанных и еще ненаписанных книг, что было бы естественно? А может быть, поговорить о «Ноевом ковчеге»? Если принять радичковскую «игру пера», трудно представить этот ковчег как символ современного мира, плывущего в космическом океане в неведомое будущее...

— Что вы думаете, товарищ Радич-

ков, о нашей сегодняшней жизни на земле? О том, как неразумно порой мы обращаемся с природой. И о том, насколько хрупок современный мир. Мир, забытый до отказа ядерным оружием, подошел, как видно, к роковой черте?

— Мы, писатели, как дети, которых посадили на переднюю часть паровоза. Машина набрала большую скорость. На горизонте виднеется мост. Мост этот разрушен. И мы громко кричим: «Остановите!» Однако машинист, который ведет локомотив, не снижает скорости. Мы еще не достигли того места, где мост провалился. Но удел писателя, журналиста — кричать, напоминать об опасности открыто, откровенно.

— Вы рассчитываете на успех? Не останется ли этот крик гласом вопиющего в пустыне?

— Уверен, что нет. Трагического финала не будет. Я расскажу вам одну историю, основанную на народной легенде. Я из района города Берковица, в северо-западной Болгарии. В моем родном краю, если старое дерево — яблоня или груша — перестает давать плоды в течение одного-двух лет, его хозяин на Новый год перед рассветом устраивает своеобразный спектакль. Он выходит из дому с топором, будто бы срубить дерево. Родители, жена, дети тянут его обратно за пальто или за куртку. Вмешиваются соседи. Уговаривают, убеждают. Да, правда, дерево не дает плодов, но оно «одумается» и в будущем году непременно начнет цвести. Спектакль продолжается довольно долго, и в конце концов хозяин отказывается рубить дерево. И действительно, весной на дереве начинают появляться цветочки, а летом, глядишь, и плоды. Дерево оживает. И так год за годом. Его плоды, правда, несколько кисловатые, мелкие, но все же они есть. Наш современный мир напоминает мне это дерево. Но люди убеждают нас: не будем губить мирное древо жизни, оно всосало соки из земли, чтобы принести свои плоды. Хотя плоды его порой горьковатые и кисловатые, но все же оно плодоносит и живет. А писатели должны нести бессменную службу и охранять его.

— И «Ноев ковчег» поплывет даль-

ше? Давайте немного поговорим о том, что скопилось в его недрах. Иногда кажется, что вы как писатель не замечаете жизни большого города, которая кипит вокруг вас. Открывая ваши книги, мы нередко возвращаемся в вашу родную Берковицкую околицу, к родным Черкивским горам. А ведь, если я не ошибаюсь, вы живете в Софии три десятка лет. Как вы воспринимаете столицу, ее ритмы?

— София — как хлеб, который замешен в деревянном корыте, но женщины, замесившая тесто, куда-то ушла. А оно подошло и вытекает через края, течет на Запад и на Восток, на Юг и на Север. Если вы через пять лет приедете в Софию и обнаружите, что София начинается у Пловдива, не удивляйтесь. Наши архитекторы знают, что делают. Они застраивают плодородные поля и огороды возле столицы, ставят там свои бетонные коробки. Это бессмыслица, размноженная на ксероксе. Новая архитектура мне не нравится. Быстро, промышленно и некрасиво. Я думаю, что рано или поздно состоится всемирный процесс, на котором будут судить архитекторов. Я буду счастлив выступить там свидетелем обвинения. Писатели, журналисты должны постепенно готовить общественное мнение для такого процесса. Говорю это совершенно серьезно.

— Однако, товарищ Радичков, согласитесь: современная архитектура не состоит сплошь из безликих бетонных коробок. В Софии, Варне, Пловдиве и других городах немало красивых, нестандартных новых зданий. Я слышал, что вы недавно были в Нью-Йорке. Там в последние годы появились замечательные, поражающие воображение, сооружения. Они свидетельствуют о грандиозных возможностях современной архитектуры. Разве можно остаться равнодушным к этой своеобразной гармонии техники и искусства?

— Мопассан называл архитектуру загадочным искусством. И действительно, в высоких нью-йоркских зданиях есть что-то загадочное. В прошлом году на стадионе в Софии я смотрел на крап, который поднимает огромные тяжести. У меня было такое чувство, что в его конструкции было нечто, взятое

у Леонардо да Винчи. Это огромное сооружение с начала до конца создано воображением человека. Машина, подчиненная его разуму. Она работала безупречно и выполняла очень сложные монтажные работы, несмотря на плохую погоду, преодолевая сильный ветер. Вот так воспринимается мною и современная архитектура Нью-Йорка. Она также создана воображением и поражает его. Я думаю, что это классика архитектуры XX века. Классика, которая уже существует. И это ответ на ваш вопрос... Должен сказать, что я люблю Москву. Мне она кажется глубокой, как океан. Это новый город, имеющий свою особую динамику. Я рос в деревне, учился в небольшом местечке; потом приехал в Софию, тогда она насчитывала только 500 000 жителей. Тридцать четыре года от роду я впервые попал в Москву и потом посетил Сибирь, Якутию. Была зима, все покрыто снегом. И в моем сознании многомиллионную Москву я всегда вижу на фоне ослепительно белой, снежной, северной земли. Ленинград обычно чем-то мне напоминает немножко Вену, немножко Париж. В Москве, повторяю, есть своя, особая глубина. Это ощущение, возможно, связано с русской литературой.

— Что ж, литература, безусловно, занимает не последнее место в ковчеге. Как она влияет на ваше ощущение окружающего мира?

— Русская книга для меня — лишь часть того безбрежного океана, что представляет собой Россия. Когда я говорю «Россия», я имею в виду весь Советский Союз. Само это слово для нас звучит свято. Любовь к ней мы, что называется, впитали с молоком матери.

— А кто из русских писателей вам наиболее близок?

— Пожалуй, Гоголь. Совсем недавно мне довелось работать над статьей в связи с юбилеем Шолохова. И я понял, что в мое сознание он вписался каким-то особым образом. Расскажу, как это случилось. Давно меня, желторотого, положили в Александровскую больницу в Софию. А на соседней койке какой-то мужчина читал книжку без обложки, — больной после тяжелой операции. И читал ее так, будто это было его единственное спасение в жизни, соломинка, за которую хватается уходящий. А меня только еще готовили к операции. И когда мужчине разрешили вставать, он подошел ко мне и сказал: «Возьми, пареня! Почитайшь — и про боль забудешь!» Я книгу взял. Помню операционную. Потом помню — привезли обратно в палату, там я начал читать эту книгу. Без начала и конца. Но настолько колоритным, сочным и ароматным был язык, что я действительно забыл о боли. В палате нас было двенадцать человек, но я никого не запомнил, лишь эту книгу. Впрочем, хочу признать, не забыл и наши невинные вечерние развлечения. Напротив больницы было общежитие медсестер. Окно нашей палаты нацелилось прямо в окно одной из комнат. Ну и смотрели, конечно, все мы на одну из будущих сестер. Лишь ее казалось нам прекрасным. Стоял август, жарко было. Она приходила домой, скидывала вся-

кие там блузки и оставалась в восхитительном неглиже. Доставала нож, садилась к окну и начинала резать арбуз. Знаете, что такое видеть разрезанный арбуз и не иметь возможности его отведавать? Мы сидим у окна палаты в полной темноте, она нас не видит, а мы видим все. Представляете: молодая хорошо сложенная женщина, спелый, красный арбуз — вот он, только руку протяни! — и двенадцать лишенных всего этого мужчин! И так каждый вечер. Может, именно поэтому каждый из нас стремился забыть свою боль? Но у меня-то, слава богу, была еще и книга. Лишь позднее, много лет спустя, когда приехал в Софию, я узнал, что книга эта была «Тихий Дон» Михаила Шолохова.

— Мне кажется, вы только что создали превосходную новеллу... Я спрашивал о близких вашему творчеству писателях. А что в русской и советской литературе вам больше всего дорого?

— Может быть, обобщение не совсем уместно, но во всех лучших произведениях русской и советской литературы как-то по-особому раскрывается широта русской души. Русским важно как-то отдать себя, пожертвовать собой во имя идеи. Как раз это самопожертвование меня привлекает больше всего.

— Последние годы страны социалистического содружества становятся все ближе друг другу. Появилась общность проблем, морали, видения мира. Как вы это воспринимаете?

— Не скрою тревоги: именно в последнее время в литературах социалистических стран наблюдается, на мой взгляд, некоторая статичность, застой. Как будто они уже исчерпали свои возможности. Конечно, опыт, естественно, есть, и немалый. Но вот качественно нового скачка, к сожалению, пока не получилось. Это касается и прозы, и драматургии, и поэзии. В драматургии мы вообще блуждаем в потемках, тычёмся, как слепые котят, во все углы, вязнем в бытовщине и псевдоэрастических проблемах. Как мне представляется, это связано с общей провинциализацией культуры в современном мире. Некоторые такую культуру называют «массовой», а другие «культурой широкого потребления». Но как ее ни называй, процесс провинциализации культуры и самого человека идет, и довольно быстро.

Недавно я смотрел по телевизору фестиваль песни из Сопота. Одна из певиц встала вниз головой и продолжала петь. До этого зал был почти равнодушен. Потом — все вскочило, зашелкали фотоаппараты, раздалась буря аплодисментов. Оказывается, чтобы расшевелить людей, удивить, вызвать живую реакцию, надо сделать что-то из ряда вон выходящее, стать на голову, надо поразить — любыми средствами. То же, к сожалению, происходит порой в литературе. Все превращается в огромный спектакль, даже политика — и это страшно... Вселенская ярмарка.

— Мне вспоминается один ваш короткий рассказ. Там ваш «приятель» жаловался, что не просто живет со своим невежеством, но вынужден даже и спать с ним. И все-таки, говорилось в рассказе, если невежество целиком уместится в кровати, это еще полбеды. А

вот у одного человека, который сам от горшка два вершка, невежество — с колокольно ростом. Может быть, это имеет некоторое отношение к состоянию современного общества, к нашему символическому «Ноеву ковчегу»?

— Ну, я не такой уж пессимист. Книжки пока еще читают. А это вселяет определенные надежды и дает нам смелость стать в ряды создателей иллюзии, именуемой литературой. С другой стороны, нужна ли эта иллюзия в век машин и роботов? К чему какая-то нечитанность в царстве сугубого практицизма? Какому идеалу можно верить сейчас, когда каждый считает себя умнее всех? Все-то мы на свете знаем. И что море — это просто бульон из планктона, и что из пены никогда Венера не родится, и что нет никаких сказочных чудовищ, и что... бога нет — тоже знаем. Есть реальная человеческая будничная жизнь, протекающая по вполне определенным коридорам, и человек, едва появившись на свет, уже видит в конце этого коридора дверь, которая захлопнется за ним намертво. Я хочу найти в самом себе возможность сломать эту будничную обреченность и увидеть подлинную красоту жизни. И ее поэзию. А взять это надо именно из будней. Мы сейчас должны наподобие сказочного великана так сжать камень, чтобы из него вода заструилась. И не только вода, но и музыка.

— В сущности, мы возвращаемся и к началу нашей беседы. Помните: вынуть душу из трюма «Ноева ковчега», «отполоскать» ее, показать первозданную чистоту.

— Разумеется, мы обязательно должны возвращаться туда, откуда вышли. Иметь нечто такое, что нас привлекает, за что мы держимся. К чему, например, привязаны мои дети? Я живу по счету в пятой или, может быть, седьмой квартире в Софии. Я — фурун на колесах. И дети тоже. Этот фурун волочится, пока не лопнут шины. Раньше человек был привязан к дому, к родному месту. Нынче люди непрерывно блуждают среди серых, обезличенных домов. К старому, конечно, невозможно вернуться. Но в современном мире, по-моему, многое еще не осознано человеком. Может быть, через несколько десятков лет мы сумеем понастоящему научиться вслушиваться в окружающий нас мир, ощутим вкус вещей, которые и есть жизнь. Мы как бы не успеваем войти в подробности жизни. Как змея глотает лягушку целиком, не жуя, не ощущая вкуса мяса, так и мы порой не ощущаем вкуса прекрасного и живого мира, наполненного запахами, красотой...

Беседа с замечательным болгарским художником слова Иорданом Радичковым закончилась. Мы прикоснулись в ней к недрам «Ноева ковчега», созданного его «игрой пера» и нешуточной озабоченностью положением дел в мире. А я возвращался к себе в отель по залитым солнцем софийским улицам. В современном многоэтажном отеле «Родина», что расположено вблизи ультра-современного Дворца культуры имени Людмилы Живковой.

О. ПРУДКОВ

СОФИЯ — МОСКВА